

Сказки Ханса Кристиана Андерсена. Философский камень (Камень мудрецов)

Ты ведь знаешь сказание о Хольгере Датчанине? Мы не собираемся пересказывать его, а просто спрашиваем, помнишь ли ты, что Хольгер Датчанин покорил великую Индию до восточного края света, до самого «солнечного дерева», как рассказывает Кристьерн Педерсен.^[1] Ты ведь знаешь, кто был Кристьерн Педерсен? А и не знаешь – не беда! Хольгер Датчанин вручил власть над страной священнику Йоне. Знаешь ты что-нибудь о священнике Йоне? А и не знаешь – тоже не беда! Он не играет в нашем рассказе никакой роли. Мы расскажем тебе о солнечном дереве, растущем «в Индии, на восточном краю света», как толковали во время оно люди, – они не учились географии, как мы с тобою, но и это ведь не беда!

Солнечное дерево было чудо что за дерево, какого и мы не видывали, и ты никогда не увидишь. Густолиственная вершина его бросала тень на несколько миль кругом; дерево было, в сущности, настоящим лесом, каждая отдельная маленькая ветвь – целым деревом; тут были и пальмы, и буки, и платаны, и пихты; словом, всевозможные породы деревьев, какие только существуют на белом свете, росли в виде побегов на больших ветвях. Большие же ветви, извилистые и суковатые, являлись настоящими долинами и холмами, устланными мягким, как бархат, зелёным ковром, который пестрел цветами. Каждая ветвь напоминала висящий в воздухе цветущий луг или чудеснейший сад. Солнышко вечно ласкало дерево своими благодатными лучами, – недаром же оно звалось солнечным деревом. К нему слетались птицы со всех концов света: из дальних девственных лесов Америки, из розовых садов Дамаска, даже из лесных пустынь Африки, где львы и слоны мнят себя полновластными хозяевами. Прилетали сюда и полярные птицы, и – само собою – и аисты с ласточками. Но не одни птицы обитали на дереве; олень, белка, антилопа и другие

быстроногие, прекрасные животные тоже чувствовали себя здесь как дома. И немудрено: густая, кудрявая вершина дерева была ведь огромным, благоухающим садом. Посреди же этого сада, там, где раскинулись зелёные склоны самых больших ветвей, возвышался хрустальный замок; из окон его открывался вид на все четыре страны света.

Каждая башня замка напоминала лилию, по стебельку которой можно было подняться на самый верх – в стебельке была ведь внутренняя лестница, понимаешь? – и ступить на края отогнутых лепестков, изображавших балконы; в самой же чашечке находилась чудеснейшая, блестящая зала, но потолком здесь служило голубое небо, озарённое солнцем или усеянное звёздами. Хорошо было, хоть и на другой лад, и в нижних залах замка: на стенах отражался весь мир, всё, что происходило на земле, – и газет не надо было; кстати, их в замке и не получали. Всё можно было увидеть и узнать из этих живых картин, лишь бы хватило времени да охоты, но невозможное – невозможно даже для первого мудреца в свете, а в замке как раз и жил такой мудрец. Имя его трудно и произнести; тебе ни за что не выговорить, да и невелика беда. Он знал всё, что только может знать или узнать человек на земле, был посвящён во все открытия прошлого, настоящего и будущего; но дальше этого его знания не простирались – всему есть границы! Сам мудрый царь Соломон был лишь вполовину так умен, как он, а царь Соломон ведь очень умен; он повелевал силами природы и могучими духами; сама смерть обязана была каждое утро присылать ему список людей, которых собиралась похитить днём. И всё-таки царь Соломон должен был умереть – вот эта-то мысль и не давала покоя мудрецу, могущественному владельцу замка на солнечном дереве. И он, как ни возвышался своею мудростью над всеми людьми, должен был когда-нибудь умереть, и дети его – тоже. Все они должны были увянуть, опасть и превратиться в прах, как древесные листья; он знал это, он видел, как осыпались и превращались в прах поколения людские. На месте опавших листьев вырастали на дереве новые, те же, что опали, никогда не возрождались вновь, а превращались в прах, переходили в другие растительные части; но что же происходило после смерти с людьми? Что такое самая

смерть? Тело превращается в прах, а душа? Чем является душа в теле и чем она становится потом? Что её ждёт? «Жизнь вечная», – утешает нас религия, но как же свершается переход в эту жизнь? Где живёт душа и как? «На небе, – говорят благочестивые люди. – И мы пойдём туда же!» – «Туда! – повторял мудрец, глядя вверх на голубое небо, на солнце и на звёзды. – Туда!»

Но, бросив с круглого шара Земли испытующий взор в пространство, он нашёл, что и верх и низ тут безразличны, – все зависит от того, с какой точки земного шара смотреть в пространство! А поднявшись на высочайшие горы, он увидел, что самое воздушное пространство, которое кажется нам с земной плоскости таким голубым, прозрачным, это «ясное небо», как мы его называем, есть, в сущности, сплошной густой мрак, тяжело облегающий землю; увидел, что солнце – огромный раскалённый шар, без лучей, а наша земля – шарик, окутанный оранжевым туманом. Да, телесный взор человека везде встречает границы, и за них не в силах проникнуть даже духовный взор его. Как же ничтожны наши знания, если и мудрейший из людей знал о том, что для нас важнее всего, так мало!

В потайной комнате замка хранилось величайшее земное сокровище – «книга Истины». И мудрец читал из неё страницу за страницей. Эту книгу может читать каждый человек, но лишь отрывками: в иных местах буквы так прыгают перед глазами, что нельзя разобрать ни единого слова, а в иных они до того бледны, что глаз видит лишь чистую неисписанную страницу. Чем мудрее человек, тем больше он может прочесть из этой книги, и наш мудрец прочел её почти всю.

Он умел собирать свет звёзд, свет солнца, вызывать скрытый свет сокровенных сил природы и свет ума, и благодаря такому яркому освещению становились видимыми даже самые бледные буквы. Но в конце книги, в главе «Жизнь после смерти», и он не мог прочесть ничего, кроме самого заглавия. Это сильно огорчало мудреца. Неужели ему так и не удастся найти здесь, на земле, такого сильного источника света, который осветил бы содержание этих последних страниц «книги Истины»?

Мудрец, как и царь Соломон, понимал язык животных, умел вслушиваться в речи зверей и пение птиц, но толку от этого

было мало. Он умел извлекать из растений и металлов целебные силы, которые могли изгонять болезни, даже отгонять смерть, но победить её совсем не могли. Во всей природе, во всём, что было ему доступно, искал он света, который бы мог озарить для него будущую жизнь, но не находил, и последние страницы «книги Истины» оставались для него белыми страницами. Христианское учение, правда, предлагало ему утешение, обещая вечную жизнь за гробом, но про эту-то жизнь ему и хотелось прочесть не в Библии, а в своей книге, однако там его глаза видели лишь белую страницу.

У мудреца было пятеро детей, четверо сыновей, которым он дал такое воспитание и обучение, какое только может дать своим детям мудрейший из отцов, и дочь, красавица, кроткая, умная, но слепая. Она, впрочем, казалось, и не ощущала этого недостатка: отец и братья заменяли ей глаза, а необыкновенная душевная чуткость – непосредственные зрительные ощущения.

Сыновья никогда не уходили далеко от дома, никогда не переступали черты, за которую уже не падала тень от ветвей солнечного дерева; сестра их и подавно. Хорошо жилось детям в родительском доме, под сенью чудесного, благоухающего солнечного дерева. Как и все дети, они очень любили слушать рассказы, и отец рассказывал им много, чего другие дети и не поняли бы, но эти были так умны, как у нас бывают разве только умудрённые долгою жизнью старцы. Отец объяснял им живые картины, отражавшиеся на стенах замка, объяснял ход земных событий и деяния людей, и сыновья часто выражали желание побывать в свете, чтобы самим окунуться в водоворот жизни, но отец говорил им, что в свете живётся трудно и горько, что действительность не совсем такова, какую они её себе представляют отсюда, из своего чудесного детского мирка. Он говорил детям о Добре, Истине и Красоте, говорил, что из них-то, под тяжким давлением света, образуется драгоценный камень, светлее бриллианта самой чистейшей воды; блеск его угоден Богу и затмевает собою решительно всё; этот-то камень, собственно, и есть то, что называют философским камнем. Затем он сказал им, что, как можно дойти до уверенности в существовании Творца, изучая сотворённое, так можно дойти до уверенности в

существовании упомянутого камня, изучая людей. Большого о камне он рассказать им не мог – большего он и сам не знал. Другим детям трудно было бы понять всё это, но дети мудреца поняли, а впоследствии поймут, может быть, и другие.

Выслушав отца, они начали расспрашивать его об Истине, Добре и Красоте подробнее, и он рассказал им всё, что знал сам. Между прочим, он сказал им, что Бог, создав человека из земли, подарил его пятью огненными сердечными поцелуями и с каждым поцелуем человек получал одно из своих пяти чувств, как мы их называем. Ими-то мы и познаем Красоту, Истину и Добро, ими Истина, Добро и Красота оцениваются, защищаются и поощряются; каждое из этих пяти чувств подразделяется на внешнее и внутреннее, духовное; одно из них корень, другое верхушка, одно тело, другое душа.

Дети много думали о словах отца, философский камень не выходил у них из головы ни днём ни ночью. Наконец старшему приснился чудный сон, но – вот диво! – то же самое приснилось и второму, и третьему, и четвёртому! Каждому брату снилось, что он отправляется странствовать по белу свету и находит философский камень, который горит у него во лбу ярким пламенем в то время, как он мчится по бархатным лугам к отцовскому саду на своём быстром как ветер коне обратно в отчий дом. И драгоценный камень отбросил на страницы «книги Истины» такой небесный свет, что стали видны и письма в главе «Жизнь после смерти». Сестре же не снилось ничего такого; ей и в голову не приходило пуститься странствовать по свету – весь свет заключался для неё в отцовском доме.

– Я отправлюсь в путь! – сказал старший. – Пора мне узнать, что творится на белом свете, и самому окунуться в море житейское. Я стремлюсь только к Добру и Истине, а благодаря им я стану защитником Красоты! Многое изменится в мире, когда я возьмусь за дело!

Да, замыслы-то у него были отважные и великие, как и у всех нас, пока мы сидим у себя в углу за печкой, не испытав ещё ни дождя, ни непогоды, не изранив себе ног терниями, растущими на пути жизни!

У каждого брата все пять чувств – и внешние и внутренние –

были развиты превосходно, но одно всё-таки играло преобладающую роль. У старшего брата таким чувством являлось зрение. Оно-то и должно было сослужить ему главную службу. Он, по его словам, проникал взором во все времена, во все деяния людские, даже в недра земли, где скрываются сокровища, и в сердца людей, словно люди были из прозрачного стекла! Иначе говоря, он видел побольше, чем можем видеть мы, глядя на вспыхивающее румянцем или бледнеющее лицо и всматриваясь в смеющиеся или плачущие глаза. Олень и антилопа проводили старшего брата до западной границы, а там он увидел диких лебедей, летевших к северо-западу, и последовал за ними. Скоро он очутился далеко-далеко от родины, от «восточного края света».

Вот глаза-то у него и разбежались! Было-таки на что посмотреть тут! А видеть что-нибудь в действительности совсем иное, нежели на картинках, хоть бы и на хороших, – те, что были у него дома, в отцовском замке, были ведь необыкновенно хороши. В первую минуту он чуть не ослеп от удивления при виде всего того хлама, что выдавался людьми за прекрасное; но, видно, глаза ему ещё могли пригодиться, – конечно, не для того же они были ему даны! – и он не ослеп.

Придя в себя, он решил основательно и добросовестно приступить к изучению Истины, Добра и Красоты; но что же, собственно, было Истиною, Добром и Красотой? Он увидел, что люди зачастую венчают цветами вместо Красоты уродство, истинного Добра не замечают, награждают посредственность рукоплесканиями, а не свистками, смотрят на имя, а не на достоинство, на платье, а не на самого человека, на должность, а не на призвание. Да и чего от них требовать?

«Да, надо мне хорошенько взяться за дело!» – подумал он и взялся.

Но пока он доискивался Истины, явился дьявол, отец лжи и сам её воплощение. Он бы с удовольствием выцарапал провидцу оба глаза, но это был бы уж слишком резкий прием, дьявол обыкновенно приступает к делу более тонко. Он оставил провидца отыскивать Истину да разглядывать Добро, но пока тот разглядывал, вдунул ему сучок сперва в один глаз, а затем и в

другой, ну а это не послужит в пользу никакому зрению, даже самому острому! Потом дьявол принялся раздувать сучки в бревна, и тогда – прощай зрение! Провидец очутился на торжище жизни слепым и не хотел довериться никому. Теперь он стал иного мнения о свете, отчаялся во всём и во всех, даже в самом себе, а раз человек дошёл до такого отчаяния – он пропал.

– Пропал! – запели дикие лебеди, улетаая на восток.

– Пропал! – защебетали ласточки, тоже направлявшиеся к востоку, к солнечному дереву.

Недобрые вести дошли до дому.

– Провидцу, как видно, не повезло! – сказал второй брат. – Авось мне, с моим чутким слухом, посчастливится больше!

У него из всех чувств особенно изощрён был слух, он слышал, как растёт трава, – вот до чего дошёл!

Сердечно распрощавшись с семьёй, отправился применить к делу свои богатые дарования, осуществить свои добрые намерения и второй брат. Ласточки провожали его далеко-далеко, а лебеди указывали путь. Наконец он очутился среди людской толпы.

Вот уж правда говорится, что «хорошенького понемножку». Слух у него был ведь до того богат, что он слышал, как растёт трава, различал биение человеческого сердца в минуты радости от биения его в минуты горя, слышал вообще каждое биение всех сердец, так что свет представился ему огромною мастерскою часовщика, где тикают и бьют часы всех сортов, и маленькие и большие. Сил не было вынести эту стукотню! А он все-таки слушал в оба уха, пока мог, но наконец совсем обезумел от людского шума и гама. Ещё бы! Чего стоили одни уличные шестидесятилетние мальчишки – годы тут ведь ни при чём, – горланившие во всю мочь! Ну, да это-то ещё было только смешно, но потом на смену простому крику и гаму являлась Сплетня и, шипя, ползла по всем домам, улицам, переулкам и дальше по большой дороге. Наконец, громогласно раздавалась Ложь и верховодила всем, а шутовские бубенчики звенели, как будто были церковными колоколами. Нет, это было уж слишком! Он заткнул себе уши пальцами, но все продолжал слышать фальшивое пение и злые речи. Языки людские не знали удержу, мололи всякий вздор, болтали без умолку о выеденном яйце, так что

добрые отношения между людьми трещали по всем швам. Шум и гам, трескотня и стукотня и внутри и снаружи – ужас! Ничьих сил не хватило бы вынести все это! Просто с ума можно было сойти. И второй брат запуская пальцы в уши все глубже и глубже, пока, наконец, не прорвал барабанной перепонки. Теперь уж он стал глух ко всему, даже к Добру, Истине и Красоте. Он присмирел, стал подозрительным, не доверял никому, под конец – даже себе самому, а это большое несчастье. Не ему было отыскать и принести домой драгоценный камень! Он и махнул на свою задачу рукой, махнул рукой на всех и всё, даже на самого себя, а уж хуже этого нет ничего. Птицы, летевшие на восток, принесли о том весть на родину его, в замок солнечного дерева, но письма от него никакого не пришло, да и почта-то в те времена ещё не ходила.

– Теперь я попытаю счастья! – сказал третий брат. – У меня есть нюх!

Не особенно-то изящно он выражался, но таков уж он был, таким надо его и принимать. Он отличался весёлым нравом и был поэтом, настоящим поэтом. Он мог спеть всё, чего не мог высказать. О многом он догадывался куда раньше, чем другие.

– Уж такой у меня нюх! – говорил он, и правда, обоняние было у него развито в высшей степени; это чувство играло, по его мнению, весьма важную роль в царстве прекрасного.

– Одному приятен аромат яблони, другому аромат конюшни! – говорил он. – Каждая область ароматов в царстве прекрасного имеет свою публику. Одни люди чувствуют себя как дома в кабачке, дыша воздухом, пропитанным копотью и чадом сальных свеч, запахом сивухи и табачным дымом, другие предпочитают одуряющий аромат жасмина или умащают себя крепким гвоздичным маслом, – а это хоть кого прошибёт! Третьи, наконец, ищут свежего морского ветерка, свежего воздуха, взбираются на вершины гор и смотрят оттуда вниз на мелочную людскую сутолоку!

Да, вот как рассуждал он. Казалось, он имел уже случай пожить в свете между людьми и узнать их, а на самом-то деле эти познания были результатом его внутренней мудрости – он был поэтом. Господь одарил его поэтическим чутьём при самом

рождении.

И вот он простился с родными и, выйдя за черту отцовских владений, сел на быстрого страуса, который мчится куда быстрее коня, а потом, увидав стаю диких лебедей, пересел на спину к самому сильному – он любил перемену. Перелетев море, он очутился в чужой стране, где расстилались огромные леса, сверкали глубокие озёра, возвышались высокие горы и роскошные города. И куда он ни являлся – всюду словно восходило солнышко, каждый кустик, каждый цветочек начинал благоухать сильнее, почуяв приближение друга, защитника, который оценит и поймёт аромат их. Даже зачахший, всеми забытый розовый куст расправил ветви, развернул листики, и на нём распустилась чудеснейшая роза. Всякому она бросалась в глаза, даже чёрная, скользкая лесная улитка и та заметила её красоту.

– Я хочу отметить этот цветок! – сказала улитка. – Ну вот, теперь я плюнула на него – большего я уж не могу сделать.

– Вот что бывает на этом свете с прекрасным! – сказал поэт, сложил о том песню и пропел её, как умел, но никто даже и не прислушался.

Тогда он дал барабанщику два скиллинга и павлинье перо и велел ему переложить песню для барабана да пробарабанить её по всему городу, по всем улицам и переулкам. Тогда люди слышали песню и объявили, что поняли её, – в ней, дескать, замечательно глубокий смысл! Теперь поэт мог продолжать слагать и петь свои песни. Он пел об Истине, Добре и Красоте, и его слушали и в кабачках, где чадили сальные свечи, и на свежем воздухе в поле, в лесу и в открытом море. Казалось, что этому брату повезло больше, чем первым двоим, но дьявол этого не потерпел, живо явился и начал воскурять перед ним фимиам самый крепкий и благовонный, какой только может изготавливать из всех существующих на свете сам дьявол. А уж он мастер добывать такой удушливый фимиам, от которого закружится голова у любого ангела, не то что у бедного поэта. Дьявол знает, чем пронять человека! Поэта он пронял фимиамом: бедняк совсем утонул в волнах его, забыл свою миссию и родину, всё, даже себя самого, – всё поглотил дым фимиама!

Все птички, услышав о том, затосковали и умолкли на целых три

дня, а чёрная лесная улитка почернела пуще прежнего – не от горя, а от зависти.

– Ведь это мне, – сказала она, – следовало бы воскурять фимиам – я ведь дала ему идею первой знаменитой песни, которую переложили на барабан! Я плюнула на розу и могу даже представить свидетелей!

А домой, на родину, не дошло даже и весточки о судьбе поэта; птички горевали и не раскрывали рта целых три дня, и скорбь их оказалась такой сильной, что к концу трёхдневного срока её они даже забыли, о чём горевали! Вот как!

– Ну, теперь пора и мне отправиться в путь! – сказал четвёртый брат.

Он тоже был весёлого нрава, как и предыдущий, притом же он не был поэтом, значит, ничто и не мешало ему сохранять свой весёлый нрав. Оба эти брата были душой и весельем всей семьи; теперь из неё уходило и последнее веселье! Зрение и слух вообще считаются у людей главными чувствами; на их развитие обращается особенное внимание, три же остальных чувства считаются менее существенными. Не так думал младший брат; у него особенно развит был вкус – в самом широком смысле этого слова. А вкус и в самом деле играет большую роль: он ведь руководит выбором всего, что поглощается и ртом и умом. И младший брат не только перепробовал все, что вообще подается на сковородках, в горшках, в бутылках и других сосудах, – это была грубая физическая сторона дела, говорил он, – но и на каждого человека смотрел как на горшок, в котором что-нибудь варится, на каждую страну как на огромную кухню, и это являлось уже тонкою, духовною стороною его миссии. На эту-то сторону он теперь и собирался приналечь.

– Может быть, мне и посчастливится больше братьев! – сказал он. – Итак, я отправлюсь в путь, но какой же способ передвижения избрать мне? Что, воздушные шары изобретены? – спросил он отца – тот ведь знал о всех изобретениях и открытиях прошедшего, настоящего и будущего.

Оказалось, что воздушные шары ещё не были изобретены, так же, как пароходы и паровозы.

– Ну, так я отправлюсь на воздушном шаре! – решил он. – Отец-

то ведь знает, как они снаряжаются и управляются, и научит меня! Людям эти шары ещё неизвестны, и, увидя мой, они примут его за воздушное явление! Я же, воспользовавшись им, сожгу его, – отец должен снабдить меня несколькими штучками грядущего изобретения, так называемыми «химическими спичками». Всё это он получил и полетел. Птицы провожали его дальше, нежели старших братьев: им любопытно было поглядеть, что выйдет из его полета. К этим птицам приставали по пути всё новые и новые, – птицы очень любопытны, а шар показался им новой диковинной птицей. И у младшего брата составила́сь такая птичья свита, что хоть убавляй! Птичья стая неслась чёрною тучей, точно египетская саранча; даже света дневного из-за неё не было видно. Наконец шар залетел далеко-далеко.

– У меня хороший друг и помощник – Восточный ветер! – сказал младший брат.

– То есть два – Восточный и Южный! – сказали оба ветра. – Мы попеременно направляли твой шар, а то как бы ты попал на северо-запад!

Но он и не слышал, что они ему говорили, да и не всё ли равно! Птицы больше не сопровождали его: когда их собралось уж очень много, двум-трём из них наскучило лететь.

– Нет, эту вещь слишком раздули! – объявили они. – И он, пожалуй, ещё бог весть что вообразит о себе! Да и незачем лететь за ним! Всё это пустое! Просто неловко даже!

И они отстали; за ними и все другие. Все нашли, что это – пустое.

А шар спустился в одном из самых больших городов, и воздухоплаватель очутился на высочайшей точке – на башенном шпице. Шар опять поднялся на воздух, хоть это и не предполагалось, куда он улетел – сказать трудно, да и не всё ли равно, раз он не был ещё изобретён?

Итак, младший брат восседал на башенном шпице, но птицы уже не слетались к нему: и он им надоел, и они ему. Все дымовые трубы в городе дымили и благоухали.

– Это всё алтари, воздвигнутые тебе! – сказал ветер – он хотел сказать гостю что-нибудь приятное.

А тот сидел себе преважно и посматривал вниз на улицы и

прохожих. Один шёл и чванился своим кошельком, другой – ключом, подвешенным сзади на поясе, хоть ему и нечего было этим ключом отпирать; третий – своим кафтаном, а его уж ела моль; четвёртый – своим телом, а его уж точил червяк!..

– Суета сует! Да, пора мне сойти вниз, помешать в котле жизни да отведать, каково на вкус его содержимое! – сказал он. – Но я ещё посижу тут немножко: ветер так чудесно щекочет мне спину; очень приятно! Я посижу здесь, пока ветер дует с той стороны. Надо же мне отдохнуть немножко. Хорошо подольше понежиться утром в постели, когда предстоит трудный день, говорят ленивцы, а лень – мать пороков, но ведь наша семья не заражена никакими пороками, говорю я, и то же скажет о своей семье любой прохожий! Я посижу тут, только пока ветер дует с той стороны – он мне по вкусу!

И он остался сидеть, но сидел-то он на флюгере шпица, и тот всё вертелся с ним, а он думал, что дует всё тот же ветер; он продолжал сидеть и мог сидеть так без конца!

А в индийской стране, в замке на солнечном дереве, стало так пусто и тихо, когда братья разошлись один за другим.

– Им не повезло! – говорил отец. – Никогда не принесут они домой сверкающего драгоценного камня, никогда я не обрету его! Они ушли, погибли!..

И он склонялся над «книгой Истины», впиваясь взглядом в страницу, на которой хотел прочесть о жизни после смерти, но по-прежнему ничего не видел на ней.

Слепая дочь была его утешением и отрадой; она так искренне была к нему привязана, так любила его, и, ради его счастья, она горячо желала, чтобы драгоценный камень был найден и принесён домой. Но о братьях она очень горевала: где они и что с ними? Как ей хотелось увидеть их хоть во сне, но, удивительно, даже во сне она не могла с ними свидеться! Но вот однажды ночью ей приснилось, что она слышит их голоса; они зовут её, они кричат ей из пучины житейского моря, и она пускается в путь, уходит далеко-далеко и в то же время всё-таки как будто не выходит из отцовского дома. Братьев она так и не встречает, но в руке чувствует какое-то пламя, которое, однако, не жжет её... В руке у неё сверкающий драгоценный

камень, и она приносит его отцу! В первую минуту по пробуждении ей показалось, что она всё ещё держит камень в руке, но оказалось, что рука её крепко сжимала прялку. В долгие бессонные ночи она непрерывно пряла, и на веретене была намотана нить тоньше той, что прядёт паук; человеческим глазом нельзя было и разглядеть её. Но девушка смачивала нить своими слезами, и нить становилась крепче якорного каната. Слепая встала; она решилась, сон должен был сбыться. Была ночь, отец её спал, она поцеловала его руку, прикрепила конец нити к отцовскому дому – иначе как бы она, бедная слепая, нашла дорогу домой? За эту нить она должна была крепко держаться, – ей она доверялась, а не самой себе, не другим людям. Потом она сорвала с солнечного дерева четыре листочка; она хотела, в случае, если сама не встретит братьев, пустить эти листья по ветру, чтобы тот отнёс по одному каждому брату вместо письма-поклона от неё.

Что-то будет с бедняжкой слепой, как станет она пробираться по белу свету? Но она ведь держалась за невидимую путеводную нить и, кроме того, над всеми пятью чувствами преобладала у неё внутренняя, душевная чуткость, благодаря чему она как бы видела кончиками пальцев, слышала сердцем.

И вот она отправилась бродить по белу свету. Море житейское шумело и гудело вокруг неё, но где только ни проходила она – всюду на небе сияло солнышко, ласкавшее её своими тёплыми лучами, всюду из чёрных облаков исходила сияющая радуга, всюду девушка слышала пение птичек, вдыхала аромат апельсиновых и яблоневых садов; аромат был так силён, что ей казалось даже, будто она вкушает самые плоды. До слуха её доносились нежные ласкающие звуки, дивное пение, но доносились также завывание и дикие крики; мысли и чувства людские вступали между собою в борьбу, и в глубине её сердца сталкивались отзвуки двух мелодий – задушевной сердечной мелодии и мелодии рассудка. Один людской хор пел:

Земная жизнь – борьба и слёзы,
Сплошная тьма, просвета нет!

Другой:

Нет, люди рвут и счастья розы,
Их взор ласкает солнца свет!

Опять доносилась горькая жалоба:

Мир жив лишь злом, враждой, гоненьем,
Брат губит брата, сын – отца!

В ответ звучало:

Любовью, благостью, прощеньем
Людей исполнены сердца!

Потом слышалось:

Мир тонет в мраке лжи, притворства,
Вся жизнь – лишь суета сует!

Но вот раздавалось:

Но с тьмой и ложью в ратоборство
Вступают Истина и Свет!

Тут хор дико грянул:

Махни рукой на всё и смейся,
Людей и мир весь презирай!

Но в сердце слепой девушки звучало:

На Бога и себя надейся,
Ему судьбу свою вверяй!

И стоило девушке появиться в кругу мужчин и женщин, старых и молодых, души всех загорались светом Истины, Добра и Красоты; повсюду, где она ни появлялась – в мастерской ли художника, в богатом ли, празднично убранном покое, на фабрике ли среди жужжащих машин, – всюду словно восходило солнышко, звучали невидимые струны, благоухали цветы, ниспадала на изнывающие от

жажды листья живительная роса.

Но дьявол не мог с этим примириться, а он ведь умнее целых десятков тысяч умных людей, вместе взятых, и додумался-таки, чем помочь горю. Он отправился в болото, взял пузырями стоячей воды, велел прозвучать над ними семикратному эху лжи, чтобы они окрепли, потом истолок в порошок всевозможные, оплаченные похвальные оды и лживые надгробные речи, какие только мог достать, сварил порошок вместе с пузырями в слезах, пролитых завистью, посыпал полученную смесь румянцем, соскобленным с увядшей щеки старой девы, и создал из всего этого девушку по образу и подобию богатой благодатью слепой. Люди стали звать создание дьявола «кротким ангелом душевной чуткости», и всё пошло теперь как по маслу, – дьявол одолел: свет не знал, которая из двух была настоящей, да и где ему было знать это!

На Бога и себя надейся,
Ему судьбу свою вверяй! –

раздавалось между тем в сердце слепой, но просветлённой твёрдую верой девушки. Четыре зелёных листка солнечного дерева она отдала ветру, чтобы тот отнёс их вместо письма-поклона её братьям, и твёрдо верила, что ветер доставит листья по назначению. Так же твёрдо верила она и в то, что драгоценный камень, затмевающий блеском всё земное великолепие, будет ею найден. С чела человечества должен он сиять дивным блеском, озаряя и дом её отца.

– Дом моего отца! – повторила она. – Да, на земле обретается этот камень, и я принесу домой не одну уверенность в его существовании; я уже ощущаю его пламя; оно пышет всё сильнее и сильнее в моей зажатой руке! Я подхватывала ведь каждое крошечное зерно Истины, носившейся по ветру, и крепко берегла его; я давала ему пропитаться ароматом всего прекрасного, чего немало на земле, – даже для слепой. Я ловила каждое биение человеческого сердца во имя Добра и вкладывала их в зернышки Истины. Я несусь домой одни песчинки, но все они в совокупности и составят драгоценный камень, который я искала; у меня их полная горсть!

И она протянула руку отцу – она была уже дома; с быстротою мысли очутилась она там: она ведь не выпускала из рук невидимой путеводной нити, связывавшей её с отцовским домом.

Злые духи налетели на солнечное дерево с грохотом урагана, с шумом и свистом ворвались в открытые ворота и в потайную комнату.

– Вихрь развеет песчинки! – вскричал отец, хватая её разжатую руку.

– Нет! – с твёрдой уверенностью возразила она. – Их нельзя развеять. Я чувствую, как от них струится луч света, согревающий мою душу!

И отец увидел, что сверкающие песчинки бросали яркий луч на белую страницу «книги Истины», на ту страницу, где он искал доказательств жизни вечной. Он взглянул на страницу – на ней ослепительным блеском сияли четыре буквы, составлявшие одно-единственное слово:

ВЕРА.

В ту же минуту рядом с отцом очутились и четверо его сыновей. Зелёный листок, брошенный ветром на грудь каждому, пробудил в них тоску по родине, и они вернулись вместе с перелётными птицами, оленями, антилопами и другими лесными обитателями. Животные тоже хотели принять участие в радости, и почему же нет, раз они способны были радоваться?

И вот как солнечный луч, пробравшийся в пыльную комнату через узенькую щёлочку в двери, образует косою столб сияющей пыли, так и тут, но куда легче, воздушней и ярче – сама радуга померкла бы перед этим зрелищем, – подымался от сияющего слова «Вера» светозарный столб песчинок Истины. Каждая песчинка соединяла в себе свет Истины, блеск Красоты и сияние Добра, отчего столб и светился ярче огненного столба – путеводителя Моисея и народа израильского в пустыне; он был мостом Надежды, перекинутым от Веры к всеобъемлющей, бесконечной Любви.

---

^[1] Педерсен – Имя выдающегося датского учёного († 1554 г.),

издавшего «Kong Olger Danakis Krönike», Malmö, 1534.

 Загрузка...